

Літаратура

1. Быховский, Б. 80 000 верст под водою / Б. Быховский // Звезда. – 1923. – 4 февр.
2. Лилин, Вл. Первый производственный опыт Белгоскино / Вл. Лилин // Звезда. – 1925. – 17 дек.
3. Литвинов, Л. Призрак бродит по Европе / Лев Литвинов // Звезда. – 1923. – 9 марта.

Сергей Трунин

Белорусский государственный университет

**ФЕНОМЕН ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
(сборник эссе Зиновия Зиника
«Эмиграция как литературный прием»)**

Русская литература XX века пережила три волны эмиграции. С распадом СССР, открытием границ и началом глобализационных процессов изменились границы и в самой литературе. Точнее, их больше не стало, т. к. некоторые представители третьей волны эмиграции вернулись в Россию, многие же просто стали жить «на две страны». Желание вернуться на родину во многом объясняется стремлением авторов вернуться в «свою» литературу, вписаться в новый контекст культуры. С большим или меньшим успехом современный литературный процесс восполняет пробелы именами писателей, пишущих по-русски или о России за границей.

Особого внимания заслуживает фигура Зиновия Зиника, эмигрировавшего из СССР в 1975 г., однако продолжающего писать на родном языке (параллельно он пишет тексты и на английском). Следует отметить тот факт, что три последние его книги опубликованы в Москве: «У себя за границей» (М.: Три квадрата, 2007), «Письма с третьего берега» (М.: Наука, 2008) и «Эмиграция как литературный прием» (М.: Новое литературное обозрение, 2011). Как видим, совершенно разные издательства проявляют интерес к творчеству Зиника, следовательно, он востребован и актуален для современного литературного процесса России.

Основу сборника «Эмиграция как литературный прием» составили 22 эссе, написанные в период с 1980 по 2009 г. Они достаточно разнородны по своему тематическому диапазону, однако объединяет их тема эмиграции и эмигрантской литературы. Книга имеет кольцевую композицию: открывается текстом, давшим название всему сборнику, – «Эмиграция как литературный прием»; последнее эссе называется «Существует ли эмигрантская литература?». На протяжении всей книги Зиник задается рядом вопросов: существует ли эмигрантская литература? что она собой представляет? какие проблемы поднимает? и т. д. Автор редко дает прямые ответы, часто приглашая читателя поразмыслить самостоятельно. У писателя ощущается эффект «двойной призмы»: для того, чтобы проанализировать сам феномен эмигрантской литературы, необходимо определенное абстрагирование; с другой стороны, Зиник является непосредственным участником и действующим лицом рефлекслируемого им явления. В эссе «Лишенный прописки» он раскрывает суть этого парадокса: «Я пишу о том, что неинтересно в стране языка, на котором я пишу. А пишу я на языке, который непонятен в стране, где я живу и которую описываю. Всё, что я создаю по-русски, не принадлежит тому (английскому) миру, где я нахожусь. А то, что можно считать во мне уникально российским (мое прошлое и московские друзья), будет использовано здесь, в Англии, как этнический материал кем-то еще для его собственных английских целей» [1, с. 89].

Думается, эмигрантская литература постепенно оформляется как особый, отдельный тип словесности со своими темами, проблемами, героями, жанровыми канонами. Зиник не высказывает подобной мысли напрямую, однако в эссе «В погоне за собственной тенью» на вопрос «Можно ли считать эмигрантскую литературу явлением отжившим, пережившим себя в век глобальных связей?» [1, с. 24–25] дает однозначный отрицательный ответ. Он полагает, что существует определенная разница между писателем метрополии и писателем-эмигрантом: «Если автор, живущий у себя на родине, разрешает морально двусмысленные ситуации и дилеммы через подставных лиц – с помощью своих героев, то у писателя эмигрантского дело обстоит

по-другому: его личность становится частью его сюжета — он сам должен решать, по какую сторону моральной границы находится его сознание» [1, с. 25]. Немаловажным для Зиника является и понятие адресата. По сути, главной дилеммой для писателя-эмигранта и становится вопрос — «для кого он пишет и где находится его читатель» [Там же]?

В процессе анализа феномена эмигрантской литературы автор в той или иной степени очерчивает *тематический диапазон* данного типа словесности:

а) тема утраченной родины;

б) смена языка, языковой барьер и возможность его преодоления;

в) рефлексия чужеродной ментальности.

В связи с этим появляется и ряд *мотивов*:

а) мотив утраченного дома;

б) мотив немоты / молчания (как невозможности сказать и невозможности быть услышанным);

в) мотив дороги / перемещения.

В числе *особенностей* также можно выделить несколько:

а) текст часто представляет собой монолог, обращенный в вечность (ввиду отсутствия конкретного адресата);

б) писатель, а вслед за ним и герой, осознается как «перемещенное лицо» (под «перемещенным лицом» в географическом или лингвистическом смысле Зиник понимает того, «кто в том или ином смысле отделен от своих читателей» [Там же]).

Особое внимание в своих эссе Зиник уделяет фигуре писателя-эмигранта. В их числе — Джозеф Конрад, Оскар Уайльд, Энтони Берджесс, Владимир Набоков, Салман Рушди и другие. Все они достаточно разные, однако автор делает акцент не столько на роднящей их оторванности от родины, сколько на внутренних самоощущениях.

Заключительное эссе сборника озаглавлено риторическим для автора вопросом — «Существует ли эмигрантская литература?». Отдавая себе отчет в том, что в эпоху глобализации и открытости границ нет смысла говорить о таких понятиях, как «изгнание» или «цензура», Зиник, тем не менее, вскрывает проблему глубже. Аргументы писателя в пользу существования

эмигрантской литературы представляются убедительными: «Я не считаю, что любой роман, написанный вне России, следует считать эмигрантским. В таком случае главными эмигрантами в русской литературе станут Тургенев, Достоевский, Солженицын. Даже эмигранты “в законе” не обязательно эмигрантские авторы. Многие сочинения Набокова – просто-напросто истории про русских за границей. Чехов тоже про такое писал. <...> Зато набоковская “Лолита” – роман, написанный по-английски, без единого русского персонажа, несомненно блестящий образец эмигрантской прозы России XX столетия» [1, с. 255]. Одним из главных мотивов эмигрантской литературы Зиник называет проблему «не-узнаваемости, вечной иностранщины» [Там же]. Следовательно, на вынесенный в заголовок эссе вопрос писатель дает решительный утвердительный ответ. Автор завершает свои размышления в соответствии с выстроенной концепцией: «Не в этом ли истинная суть эмигрантской литературы: вне зависимости от политической географии сюжета говорить от имени тех, кто затерялся меж двух миров? И в этом смысле русская литература в эмиграции только начинается» [1, с. 256].

Таким образом, в ходе анализа эмигрантской литературы как феномена Зиник раскрывает ее сущностную характеристику, очерчивает проблемное поле и приходит к выводу, что эмигрантская литература как особый тип словесности вполне жизнеспособна, актуальна и продуктивна.

Литература

1. Зиник, З. Эмиграция как литературный прием / Зиновий Зиник. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 264 с.